

А
Анри де Ренье

По прихоти короля

Перевод М. Кузмина
Ренье, Анри де. Собрание сочинений в 7 т. Т. 2
М., Терра, 1992
[OCR Бычков М. Н.](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роман "По прихоти короля" рисует широкую картину провинциальной и придворной жизни Франции конца XVII в. До некоторой степени центральной фигурой можно считать молодого де Поканси, тип среднего заурядного человека. Он обыкновенен и незаметен, тем легче его заставить быть пассивным свидетелем разворачивающихся событий. Ренье любит ставить в центре таких созерцателей, но на этот раз герой его не поражен болезнью воли и неврастением. Воля у него направлена на пункт, характерный для изображаемого времени и придворного механизма. Все желания, все поступки де Поканси имеют целью заслужить милостивый взгляд короля. По ряду причин, ничтожных, смешных, трагических, ему этого не удастся достигнуть, и он снова исчезает в провинциальной безвестности. Мелкость, ничтожность и неопределенность конечного пункта устанавливают странную и капризную перспективу событий. Так как решительно неизвестно, что в глазах короля больше будет иметь значение: блестяще выигранное сражение, подвиги мужества и добродетели, ловко ввернутое в разговор словцо, поклон в саду или форма носа вашей дальней родственницы, то все эти явления расцениваются почти одинаково, и даже удачно проигранная партия в карты может иметь высшую котировку, чем долгая незапятнанная служба или геройская смерть. Отсюда вытекает известное философическое равнодушие и улыбающийся цинизм, ловля момента и погоня за наслаждениями. Притом, как неожиданно приходит милость короля, так ни на чем не обоснованной может явиться и немилость, опала, так что люди, стоящие близко ко двору, никогда не могут быть уверены в следующей минуте. При дворе требуются общие, т. е. не индивидуальные, безличные черты придворного человека. Он должен быть здоров, приятен на вид, вежлив, без страстей и переживаний, любезен и готов исчезнуть при малейшем насупленном взоре короля. Иногда королю придет в голову, чтобы у всех были дети -- все, как один, стараются, чтобы жены их забеременели; потом король пожелает видеть всех щеголями -- все как один бросаются франтить. Религиозность, безбожие, картежничество, увлечение войной -- все зависит от короля и делается в общегосударственном масштабе. Только в глухой провинции, в глубине семейства или в благодетельной неизвестности можно встретить человечность, не придворный идеал вообще человека, а живого отдельного человека со своей прихотью, а не королевской.

В рассказ автора вклиниваются якобы точные записи того времени, освещающие без хронологической последовательности многие фабулистические и романтические недоговоренности самого повествования. Это дает возможность автору лишний раз показать свое знание эпохи и ее языка.

М. Кузмин

Франсуа де Ренье,

Анне де Гезэк

и

Марии де Пастуро,

А